

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт социально-философских наук
и массовых коммуникаций,
кафедра религиоведения
Казань, Россия

DOI: 10.24153/2079-5912-2018-9-2-67-71

ПЕРСПЕКТИВЫ СОЦИАЛЬНОГО ИДЕАЛА В СВЕТЕ КРИЗИСА СУБЪЕКТЦЕНТРИСТСКОЙ ПАРАДИГМЫ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Аннотация: В работе анализируются возможности формирования категории социального идеала в условиях трансформации концепции субъекта в современной философии. Подчеркивается необходимость пересмотра стратегий формирования социального идеала, исходящих из монологической субъектцентристской парадигмы. Классический способ построения социального идеала опасен выхолащиванием экзистенциального содержания. С другой стороны, социальный идеал необходим как некая структура, формирующая возможность коммуникации индивида с социальной реальностью. В противовес традиционным представлениям о социальном идеале как об абсолютно совершенной форме общества, «максимуме социальности», предлагается концепция социального идеала как «минимума социальности».

Ключевые слова: социальный идеал, субъектцентризм, утопия

В настоящее время нам неизвестны какие-либо значимые попытки философского (а не публицистического или идеологического) конструирования социального идеала. Сейчас эта категория во многом является неработающей. В то же время в современном обществе очевиден запрос на осмысление исторического пути и современной реальности России, в том числе и с точки зрения проектирования её идеальных траекторий развития[6]. Поэтому целью настоящей работы является не анализ налично данного, но попытка, проанализировав направление возможного развития такого конструирования, основываясь на исследовании некоторых тенденций современной философской мысли.

В настоящее время заметны «виртуализация» и «релятивизация» идеального, с одной стороны, и попытка рассматривать эту проблему в более широком контексте, не замыкаясь на традиционных оппозициях типа «идеальное - реальное» или «идеальное - материальное», но переводя её в экзистенциально-онтологическую плоскость[4], в этом контексте указывается взаимосвязь категории идеала и человеческой свободы[2]. Современные исследования данной проблемы опираются на идеи таких разных мыслителей, как представители русского «религиозного ренессанса» (весьма современного, как показывает неослабевающий интерес к творчеству его представителей), М. Хайдеггер, К. Ясперс, Х.-Г. Гадамер, Э. Левинас, исходящих из целостности, нерасчленённости субъекта и объекта; «проблема идеального» перестаёт решаться в терминах отношения идеального к реальной действительности. Также в современной эпистемологии весьма влиятельными становятся взгляды на познавательный процесс как на активное взаимодействие субъекта и объекта.[5] В таком кон-

тексте идеальное (а следовательно, и социальный идеал) становится возможным понимать как элемент единой субъект-объектной реальности. Идеальное, мысль, сознание - процесс, происходящий в его недрах и одновременно в самом субъекте познания и действия, не пассивное отражение, но своего рода продукт контакта, диалога с бытием. Становится очевидным, что классический субъект, у которого «в жилах ... течёт не настоящая кровь, а разжиженный сок разума в виде чисто мыслительной деятельности» (В. Дильтей), способен сконструировать лишь абстрактный безжизненный идеал, попытка воплощения которого именно поэтому станет насильем, разрушительным для живой человеческой природы. С другой стороны, и межчеловеческая, межсубъектная коммуникация возможна только как бытийственный контакт. Таким образом, социальный идеал может предстать как точка пересечения, результат бытийственной направленности движения человечества.

Среди прочих «разновидностей» идеала социальный идеал занимает достаточно своеобразное место. Так, можно сказать, что социальный идеал в значительно меньшей степени определён содержательно. Что касается прочих идеалов - этических, эстетических, гносеологических, то все они получили весьма четкое понятийное или образное оформление и оказали большое влияние на ход развития соответствующих областей культуры. Они всегда были содержательны (и это считалось естественным и нормальным) и, в значительной степени, универсальными. Известно, какую роль в истории сыграли, к примеру, этический идеал христианства, эстетический идеал классицизма или идеал научности эпохи Нового Времени. В тех культурных пространствах, где эти идеалы имели значимость, они господствовали безраздельно, они целиком определяли характер соответствующей области культуры вплоть до XX века. В этих идеалах были выражены некие фундаментальные интуиции самосознания эпохи, её глубинное самопонимание, существенные особенности её как целостности. В противоположность этому, не было выработано ни одного общепринятого социального идеала. Новое Время - эпоха конкуренции идеалов консервативных, либеральных, коммунистических. В сфере социального идеала однозначность отсутствовала всегда.

В частности, можно указать на тот факт, что проблема социального идеала теснейшим образом связана с ответом на вопрос о возможности и пределах рационального, целенаправленного социального действия, о том, в какой мере человек и человечество являются субъектами истории. Ведь классическая форма социального идеала возникает в контексте нововременных представлений о

проективной силе человеческого разума, как один из механизмов приложения этого разума в сфере конструирования не только физической среды обитания человека (что было задачей естественных наук), но и самих межчеловеческих отношений и общественных институтов. В рамках категории идеала познание и деятельность находятся в противоречивом взаимоотношении. Этический идеал — ценность в первую очередь практическая. Социальный идеал, хотя и относится также к сфере практической, в значительной степени также является «скобкой», «горизонтом», в пределах которого осуществляется познание общества.

Сфера идеала (в этом его отличие от платоновской идеи) - сфера чистой субъективности, где бытийственный аспект вынесен за скобки. Но, при переосмыслении онтологичности самой субъективности, может измениться и понимание онтологического статуса социального идеала. Так, возможно «размыкание» субъекта, возвращение декартовского *cojito*, возлагающего на себя тяжесть мира, но ответственного не за истину бытия в целом, но за свое собственное бытие, преломленное, схваченное и постигнутое, когда акт постижения становится способом удержания себя. Идеал может стать структурой, организующей целостность и устойчивость бытия субъекта, личности, её гибкой и подвижной основой. Сфера идеального с этой точки зрения предстаёт не как проекция, отражение объективного мира самого по себе, но как результат оформляющего воздействия мира на познающего субъекта, как своего рода «пространство диалога», точка взаимодействия мира и человека. Ведь подлинная коммуникация возможна только как бытийственный контакт. И социальный идеал, помимо своей («естественной») коммуникативности, содержит еще и этот аспект - он есть выражение некоей бытийственной оформленности интерпретации мира социальности субъектом.

Выстраиваясь из онтологии субъекта, он выступает не только как своего рода («историческое априори») постижения и практического освоения социального бытия, как субъектное измерение социальности. Он коммуникативен вдвойне - ещё и постольку он есть результат коммуникации с социальным бытием как таковым, которая осуществляется не только в акте познания. Любой контакт порождает изменение реальности, приобретение ею другого качества. И само познание является одним из способов этого преобразования. Социальный идеал может рассматриваться в данном случае как средство самополагания человека по отношению к социальной реальности.

Одностороннее понимание вывода эпохи критики классического рационализма о невозможности возврата к прямолинейной и односторонней онтологизации субъек-

тивности, ведет в действительности к утрате субъектом всякого онтологического статуса. Гегелевское «возвращение субъекта в себя» и абсолютизация его более невозможна. Возникает понятие «открытой рациональности», принципиально незамкнутого дискурса, дающего возможность для бесконечных интерпретаций смысла[8].

В связи с этим деонтологизацию субъекта нельзя считать окончательной - ведь это был бы тот же возврат к его абсолютизации, только в негативном варианте. Современная философия рассматривает субъект как динамическую, а не статическую форму, как недостаточную, частичную сущность (Ж. Лакан, С. Жижек). Смещается позиция субъекта в структуре бытия. Теперь он может обрести подлинность в «открытости бытию» (М. Хайдеггер), «проникновении внутрь объемлющего» (К. Ясперс), может, согласно Г.-Г. Гадамеру, воплотиться, выразиться в универсальной игре эстетического[1]. Только в выходе за свои пределы субъект возвращает себе своё собственное основание.

Социальный идеал не может быть, поэтому, результатом постижения объективной закономерности истории, выраженный в полной и адекватной форме, и потому претендующий на императивность. В настоящее время его нельзя понимать иначе, как функцию субъектности, некую априорную форму отношения к социальной реальности. Но принципы её обоснования в значительной мере отличаются от кантовских, поскольку сама рациональность рассматривается в постклассической философии как проявление более глубоких слоев бытия субъекта. Это проекция, но проекция не внешней реальности, а также и не только трансцендентальная структура, но своего рода экзистенциальный каркас, придающий форму и устойчивость её неохватываемому в понятиях содержанию. Динамичность субъекта коррелирует со ставшей неоднозначной, подвижной реальностью, отвечающей на соприкосновение с познающим сознанием и меняющейся в зависимости от его свойств. В этом свете становится понятной односторонность классического понимания рациональности, не учитывающей эту гераклитовскую текучесть бытия и постоянную зависимость идеального от его сверхрациональной динамики. Применительно к социальности это означает, в частности, что снимается противоположность между личностным и социальным. Чистая социологизация означает сведение человеческого лишь к сумме внешних проявлений, к поверхности, утрачивающей глубинное совпадение этих противоположностей.

Тем не менее, совершенно очевидно, что устранение измерения абсолютности делает ущербным понятие идеала. Платоновское понимание идеи как точки связи с

трансцендентным, столь проблематизированное в современной мысли (для которой отказ от статичного трансцендентального «Я» классической теории познания равносителен отказу от принципа субъектности вообще), может остаться. При этом идея интерпретируется не в позитивно-объектном, а в инструментально-субъектном ключе. Это образ («эйдос»), являющийся «функцией созерцающего движения, а не его завершением»[10]. Это всегда версия невыразимой до конца реальности, порождающей смыслы социального бытия.

Классический идеал понимался как максимум человеческого. Здесь человек достраивал себя до социального субъекта. С точки зрения логики трансцендентального субъекта, идеал - это форма максимально реализованного человеческого в обществе. Это - попытка радикального одомашнивания мира, в котором с трудом находится место подлинно человеческим смыслам. Идеал также делает возможным движение, социальное действие в направлении реализации абсолютной цели, высшего человеческого предназначения, позволяет действию не расплыться в беспредметности, но придаёт ему оформленность и направленность. Поэтому и форма, и содержание идеала зависит от представления о природе человека, в конечном итоге, от онтологии человека. «Всё, что составляет предмет познания, является таковым, лишь насколько оно само уже несёт в себе форму и отпечаток познающего.»[9]

Социальный идеал - спонтанно создаваемая субъектом форма, задающая его (субъекта) рамки, пределы. Вопрос о том, в какой степени субъект может быть конституирован разумом, а в какой является уже данным (или заданным), весьма сложен. Но поскольку идеал как раз и может выступать в качестве одного из механизмов такого конструирования, можно предположить, что сейчас этот механизм будет средством установления некоего минимума социальности. Тогда идеал не будет порождать утопии, но станет средством противостояния антиутопиям, указывая совершенно реальные, основанные на внутренних законах человеческого бытия, пределы, ниже которых человеческое просто перестаёт существовать.

Отказ от абсолютистских претензий приводит к тому, что социальный идеал рассматривается не как высшее, совершенное и окончательное выражение антропологических аспектов социальности, т.е. как «максимум социальности», но как «минимум социальности».

Отсутствие личностного организующего начала приводит к аномии, утере централизованного принципа, вокруг которого организуется духовная жизнь человека. «Душа теряет свое субстанциальное единство, теряет сознание своей творческой природы, теряется в хаотическом вихре

своих же состояний, переставая быть субстанцией их). «Не «я делаю», а «со мною делается»; не «я живу», а «со мною происходит»[7]. Гениально точное описание того, что в современной философии называется «состоянием постмодерна», сделанное за полвека до наступления самой «ситуации»! Для Флоренского подобное состояние не есть что-то присущее только определённой исторической эпохе. Это - одна из фундаментальных характеристик человеческого бытия.

В связи с указанными процессами идеал утрачивает свою императивность и соотносённость с реальностью, он начинает выступать как необходимая фикция, причём осознаваемая в качестве таковой (С. Жижек). Идеальное - сфера сознательно принимаемых иллюзий.[3]

Таким образом, можно предположить, что в настоящее время может существовать два пути построения социального идеала - в зависимости от трактовки того, что же в действительности является «антропологическим минимумом». Это может быть либо движение в логике иллюзии, идеала как «вымышленной реальности», либо путь веры (в широком смысле) как способ полагания онтологичности., этим вариантам соответствует, с одной стороны, прагматическое понимание идеала как «анти-антиутопии», своего рода «прожиточного минимума» человечества, не задающееся вопросами о его конечных целях, а с другой стороны - идеал как «совпадение минимума и максимума», как то есть такая форма, благодаря которой могло быть сохранено то человеческое содержание, которое в настоящее время представляет наибольшую, жизненно важную ценность.

Резюме:

Таким образом, мы полагаем, что социальный идеал в современной ситуации возможен, но меняется как его онтологический статус, так и пути его конструирования. С точки зрения концепции идеала как минимума социальности социальный идеал представляет собой раскрытие антропологических аспектов социальности. Из утопии, незаметно превращающейся в антиутопию, социальный идеал может стать противоядием против утопии-антиутопии, указывая на необходимый минимум человеческого в социальных отношениях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс. – 1988.
2. Даренский В.Ю. Константы русского социального идеала и их исторические основания. //История и современность. Волгоград. – 2015. – № 1. — С. 63-80.
3. Жижек С. Возвышенный объект идеологии. М.; – Художественный журнал. – 1999
4. Кошетарова Л. Н. Лосинская А.Ю. Динамика смысложизненных идеалов и антропология новой виртуальности. // Успехи современной науки. 2017. – Т. 9. – № 4. С. 62-67.
5. Микешина Л.А. Философия познания. М.: – Прогресс-Традиция. – 2002.
6. Расторгуев В.Н. Социальная реконструкция в современном мире: идеалы, реальность, цивилизационная миссия России. // Философия политики и права. М.:– № 7.–2016. – С. 78-98.
7. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины. М.: Правда. 1990. Т. 1(1). С. 174.
8. Швырёв В.С. Знание и мироотношение // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М.: – РОССПЭН. – 1996. – С. 12-84.
9. Шеллинг Ф.В.Й. Философия откровения. СПб.: – Наука. – 2000. – Т.1. – С. 261
10. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. СПб.: –Наука. –2000. – С. 135.

Tokranov A.V.
Cand. philos. Sci.
Kazan Federal University
Russia, Kazan
alextokranov@rambler.ru

PROSPECTS OF THE SOCIAL IDEAL IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF SUBJECT-CENTERED PARADIGM IN MODERN PHILOSOPHY

In the present article, the perspectives of the concept of social ideal in modern context of subject-centered philosophy transformations. The necessity of revising the strategies of constructing the social ideal from the monological subject-centered philosophical paradigm is stressed. The traditional way of social ideal construction is liable to the erosion of existential meaning of social reality. On the other hand, the social ideal is necessary for forming the communication of individual and the social reality. A conception of the social ideal as «the minimum of the social» is proposed.

Keywords: social ideal, subject-centricity, utopia.

Resume: We see that social ideal is possible in modern condition, but its ontological status, as well as the ways of its construction are changed. From the perspective of the concept of "the minimum of the social" the social ideal can be seen as the unfolding of anthropological aspects of the social. It can be transformed from the utopia, imperceptibly or suddenly becoming antiutopia, into an antidote against utopia, pointing out an indispensable minimum of humanity in social relations.

Literature:

1. Gadamer X.-G. Istina i metod. M.: Progress. – 1988.
2. Darenskiy V.Yu. Konstanty` russkogo social'nogo ideala i ix istoricheskie osnovaniya. //Istoriya i sovremennost`. Volgograd. – 2015. – № 1. — S. 63-80.
3. Zhizhek S. Vozvy`shenny`j ob`ekt ideologii. M.; – Xudozhestvenny`j zhurnal. – 1999
4. Koshetarova L. N. Losinskaya A.Yu. Dinamika smy`slozhiznenny`x idealov i antropologiya novoj vitrual`nosti. // Uspexi sovremennoj nauki. 2017. – T. 9. – № 4. S. 62-67.
5. Mikeskina L.A. Filosofiya poznaniya. M.: – Progress-Tradiciya. – 2002.
6. Rastorguev V.N. Social`naya rekonstrukciya v sovremennom mire: idealy`, real`nost`, civilizacionnaya missiya Rossii. // Filosofiya politiki i prava. M.:– № 7. –2016. – S. 78-98.
7. Florenskij P.A. Stolp i utverzhdenie Istiny`. M.: Pravda. 1990. T. 1(1). S. 174.
8. Shvy`ryov V.S. Znanie i mirootnoshenie // Ideal, utopiya i kriticheskaya refleksiya. M.: – ROSSPE`N. – 1996. – S. 12-84.
9. Shelling F.V.J. Filosofiya otkroveniya. SPb.: – Nauka. – 2000. – T.1. – S. 261
10. Yaspers K. Vsemirnaya istoriya filosofii. Vvedenie. SPb.: –Nauka. –2000. – S. 135.